

**Confidential**

---

# RUSSIA

The circulation of this report has been strictly limited to the members of the Trialogue Club International and of the Centre russe d'études politiques.

This issue is for your personal use only.

Published monthly in Russian and in English by Trialogue Company Ltd.

Issue № 2, vol.1. February 2011.

---

31 января 2011 г.

Владимир Орлов и Иван Трушкин сообщают из Москвы:

## ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА: ДИЛЕММЫ ДЛЯ РОССИИ

*Приоритет внешнеполитической деятельности России. Именно так ключевые российские дипломатические документы характеризуют роль Ирана для России.*

Вот уже два десятилетия, последовавших за нормализацией двусторонних отношений (после революционного для Ирана десятилетия восьмидесятых, когда Советский Союз был для иранского режима *малым сатаной*), Иран остается для России *трудным* и *важным* партнером. Обращаем внимание именно на эти два ключевых слова – все эти два десятилетия они неизменно шли в связке.

При этом отношения и в политической области, и в экономической развивались волнообразно; амплитуда этих волн была настолько широка, а частотность настолько высока, что вряд ли имеет аналоги в отношениях России с каким-либо иным государством мира. За соглашением о строительстве Бушерской АЭС следовали прорывные протоколы о строительстве Россией центрифужного завода в Иране; потом откат и отказ от большинства предварительных договоренностей. Массовые отловы иранских шпионов в Москве и их высылка, потом снова потепление, особенно заметное на фоне похолодания в двусторонних российско-американских отношениях при Буше младшем. Неприлично вялотекущее строительство Бушерской АЭС, растянувшееся на полтора десятилетия, и отнюдь не по техническим или финансовым причинам; разговоры о *стратегическом партнерстве* и о наращивании экономического сотрудничества; и разногласия по делу Каспия; активизация ВТС, включая соглашение о поставках зенитных ракетных систем С-300; и последовательная поддержка Россией четырех резолюций по санкциям против Ирана. Серия конструктивно-компромиссных предложений в адрес Ирана, включая по топливу для Тегеранского исследовательского реактора (ТИР), во многом сконструированных Россией; и их отклонение Ираном; жесткие словесные пикировки на высоком уровне; достройка Бушерской АЭС и ее полная готовность к физическому пуску; и односторонний отказ России от поставок С-300...

## ПРИОРИТЕТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Эта волнообразность – прежде всего результат неопределенности обеих сторон – что же им по большому счету нужно друг от друга в стратегической перспективе, – и неумения застолбить тактические успехи и перевести их в стратегическое, перспективное русло.

*Качели* в двусторонних отношениях отчасти являлись следствием и переменчивого международного климата в отношении Ирана, прежде всего в отношении его ядерной программы: то курс на диалог и вовлечение, то доминирование санкционно-конфронтационных методов. Следует признать, что внешние влияния серьезно видоизменяли в итоге российскую политику по Ирану, особенно в период внешнеполитической *дряблости* (1995–1999 гг.). В этом смысле иранская политика в отношении России выглядела несколько более последовательной, хотя и не полностью свободной от внешних влияний – особенно когда Тегеран стремился (безуспешно) разыгрывать карту «Европа против России».

При этом по ряду сфер международной безопасности, ключевых с точки зрения интересов России, реальное партнерство было устойчивым и отнюдь не *качельным*. Речь идет, прежде всего, о таких направлениях как борьба с международным терроризмом (прежде всего – противодействие терроризму и сепаратизму на Северном Кавказе), противодействие наркоугрозе и взаимодействию по Средней Азии и Афганистану.

Россия, утратившая после распада СССР свои исторически выстраданные и годами отработанные твердые позиции на Ближнем и Среднем Востоке (БСВ), в 1990-е – первой половине 2000-х гг. остро нуждалась в хотя бы частичном восстановлении своего влияния в регионе. Нарботанные еще при СССР связи в 1990-е гг. *плодоносили* в крайне ограниченном количестве государств (прежде всего, в Сирии), но и там они во многом носили уже формальный характер. Новые неформальные и работающие связи удалось установить в считанном количестве государств БСВ (наиболее удачным примером является Катар). Однако этого было, конечно, недостаточно. Большинство государств региона по-прежнему находились в плотном кольце влияния США или, в меньшей степени, Франции и Великобритании. Самостоятельные игроки либо выводились американцами из строя (Ирак), либо переманивались на свою сторону комбинацией *кнута и пряника* (Ливия).

На этом геополитическом *безрыбье* Иран казался той *вакуумной зоной*, заполнить которую российским влиянием казалось вполне логичным. В начале нулевых годов этого века Россия попыталась определить для себя Иран как *ключевого стратегического партнера в регионе*.

Однако из этого ничего не вышло. Помимо не прекращавшегося внешнего давления на Россию со стороны США и Израиля, сказывались и межведомственные разногласия в самой России в отношении того, как вести себя с Ираном. Стремление Ирана стать полноправным участником Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – казалось бы, вполне логичное с точки зрения интересов России – было, по сути, заблокировано, и Иран так и остался в числе наблюдателей. К тому же, довольно странным было бы голосовать в пользу все новых и новых санкций против своего стратегического партнера. А Россия все четыре раунда санкций (пусть и смягчая проекты в процессе редактирования) поддержала.

**Confidential**

**СУММИРУЯ НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ РОССИЙСКИЕ ОЦЕНКИ  
ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ**

В середине 1980-х гг. Иран, прежде всего исходя из опыта войны с Ираком, принял решение о начале разработок военного характера в ядерной области, а также о создании собственного ядерного топливного цикла (ЯТЦ).

Скорее всего, политического решения о создании собственного ядерного оружия в Иране никогда не принималось.

Военный компонент иранской ядерной программы никогда не достигал продвинутой стадии, а примерно в 2003 г. программа была заморожена, и Ираном была предпринята попытка примирения с Соединенными Штатами и европейцами (к чему США в тот момент оказались не готовы).

С тех пор Иран существенно продвинулся в создании собственного ЯТЦ, прежде всего в обогащении урана.

Построенная Россией АЭС в Бушере имеет для Ирана лишь маргинальное значение.

Основная цель Ирана – создание промышленной базы и кадрового потенциала для формирования и устойчивого функционирования собственного замкнутого ЯТЦ, без зависимости от внешних источников.

Требование к Ирану прекратить обогащение урана в настоящее время смысла не имеет.

Вопрос заключается в том, будет ли Иран форсировать собственную ядерную программу, чтобы уже в ближайшие два года иметь возможность в случае принятия политического решения переключить ее на военные рельсы, или же предпочтет более медленный и осторожный путь, который в любом случае приблизит Иран к японскому сценарию (наличию продвинутого атомного комплекса, который может быть при необходимости переключен с мира на войну).

Представляется, что переход на конфронтационную модель отношений, выход из ДНЯО и создание собственного ЯО – не в интересах Ирана в ближайшие год-два. В то же время, такой поворот событий не исключен и зависит от объективных факторов – степени угроз, которые потребовали бы неконвенциональных способов сдерживания.

Нынешний характер политических отношений между Россией и Ираном можно определить как *умышленная передышка*, или *пауза*.

Двусторонние отношения в значительной мере оказались в заложниках у нерешенной иранской ядерной проблемы.

В общем плане позиция России описана в Концепции внешней политики: «Россия будет всемерно способствовать политико-дипломатическому урегулированию ситуации вокруг ядерной программы Ирана на основе признания права всех государств-членов Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) на использование ядерной энергии в мирных целях и обеспечения неукоснительного соблюдения требований режима нераспространения ядерного оружия». Более развернуто эта позиция была представлена Россией на Обзорной Конференции ДНЯО-2010: «Касаясь ядерной программы Исламской Республики Иран, [Россия] призывает членов международного сообщества стремиться к политическому и дипломатическому урегулированию нынешнего кризиса; [Россия] также настоятельно призывает Иран проявить необходимую добрую волю, с тем чтобы восстановить доверие к мирному характеру его ядерной программы, в том числе путем соблюдения соответствующих резолюций, принятых Советом Безопасности Организации Объединенных Наций и Советом управляющих МАГАТЭ».

Последние месяцы изобиливали изощренными, часто *подковерными* играми вокруг Ирана и его ядерной программы. Активную партию здесь играла и Россия. Причем данные игры происходили на фоне явного осознания администрацией США того факта, что у них нет в запасе *козырей*, которые позволили бы *сломать* Иран – за исключением единственно масштабной военной операции. Все это подталкивает стороны конфликта к новому политико-дипломатическому раунду по-

исков компромисса, таким образом, чтобы таким компромиссом не были скомпрометированы ни иранское руководство, ни американское.

Россия, с одной стороны, ужесточила давление на Иран, когда президент Медведев принял решение пойти дальше резолюции СБ ООН 1929 и своим указом (обнародованным 22 сентября 2010 г., хотя и сформулированным еще в начале июня) запретил, в частности, поставки в Иран С-300.

С другой стороны, в августе 2010 г. испытания всех систем Бушерской АЭС были Россией закончены, и 21 августа 2010 г. под контролем инспекторов МАГАТЭ началась доставка свежего ядерного топлива в реакторное отделение. В начале декабря 2010г. была завершена загрузка активной зоны реактора АЭС топливом, однако на момент конца января 2011 г. нет точных данных о сроках запуска АЭС в промышленную эксплуатацию.

Дальнейшее затягивание пуска АЭС в Бушере было чревато для России потерей лица. Продвижение сотрудничества в атомной энергетике со странами Ближнего Востока заметно усложнился бы, натолкнувшись на удивление наших новых потенциальных партнеров в регионе: разве Россия не способна довести свои контрактные обязательства до реализации?

ЧТО ДАЛЬШЕ?

**Confidential**

Циники в российском политическом истеблишменте убеждены, что американское или израильское вторжение в Иран будет России только на пользу: цены на нефть неизбежно вырастут, а Соединенные Штаты завязнут на еще одном театре военных действий.

Для России нынешняя ситуация вокруг Ирана вообще-то выгодна в любом случае: ни мира, ни войны; Россия активно вовлечена в переговорный процесс и тем самым повышает ставки в двустороннем диалоге с США, куда для нее более значимом, чем Иран. А вот крайности – как война, так и примирение заклятых врагов – Ирана и США – могут российским интересам нанести весомый ущерб. России в равной степени не выгодны ни долговременная дестабилизация ситуации в регионе, примыкающем к Южному и к Северному Кавказу и к Каспию, ни массивированное американское экономическое проникновение в Иран.

С сугубо экономической точки зрения, потенциальная прибыль от заключения возможных контрактов между Россией и Ираном значительно превышает нынешние вялые экономические показатели. Наиболее перспективными направлениями представляются нефтяная и газовая промышленность и военнотехническое сотрудничество. Между тем, именно эти сферы крайне чувствительны по отношению к применяемым против Ирана санкциям.

Россия не оставила мысли вернуться в регион Ближнего и Среднего Востока в качестве мощного самостоятельного игрока. В ближайшей перспективе ее позиции в БСВ имеют шанс укрепиться. Иран уже не рассматривается как эксклюзивный проводник интересов России в регионе. Российские контакты и планы куда более диверсифицированы. Однако Россия не намерена «вычеркивать» Иран из числа своих партнеров в регионе, прежде всего в геополитической и нефтегазовой сферах. Поэтому от крупных ссор и столкновений с Тегераном Москва будет уклоняться, хотя уже поняла, что «лавы миротворца» в иранском ядерном кризисе могут и не принести ей изначально ожидавшихся дивидендов.

Таким образом, для России выгодно снятие напряженности вокруг иранской ядерной программы. Представляется, что России логично продвигать следующие тезисы.

Подход к решению иранской ядерной проблемы должен быть системным и обязательно основанным на международном праве, при этом признавая, что режим нераспространения ядерного оружия несовершенен.

Требуются дальнейшие согласованные шаги шестерки по вовлечению Ирана в переговоры. Начать можно с осуществления мер доверия – таких, как поставка топлива для ТИР (на базе инициативы Бразилии и Турции). Следует отметить, что иранская сторона видит в качестве главного посредника в данном вопросе Россию.

Параллельно следует наладить многостороннее взаимодействие с Ираном по стабилизации Афганистана.

Действия должны быть солидарными, то есть осуществляться на основе обоюдной ответственности. Надо исключить ситуации, когда параллельно с коллективными усилиями в СБ ООН партнеры России принимают односторонние решения о санкциях, в том числе экстерриториальных, которые подрывают саму основу дальнейших совместных действий.

В дальнейшем, при успехе первых мер доверия, следует расширить их и на другие сферы. При этом нет ни возможности, ни необходимости запрещать Ирану урановое обогащение, только вестись оно должно в рамках особо жесткого контроля со стороны МАГАТЭ – возможно даже, в формате спецкомиссии МАГАТЭ с особыми полномочиями, приравненными к полномочиям в рамках реализации Дополнительного протокола к соглашению о гарантиях с МАГАТЭ.

Иран должен сделать (пусть символические) жесты по уважению резолюций СБ ООН, чтобы затем можно было говорить о снятии требования по запрету на обогащение урана Ираном.

Иран должен пройти свою часть пути по стабилизации, а затем и улучшению отношений со своими соседями по региону, прежде всего с Саудовской Аравией, другими государствами Залива. Без регионального замирения и создания системы мер доверия напряженность вокруг Ирана не рассосется.

Иран может и должен сыграть конструктивную роль в подготовке, а затем и в проведении Международной конференции по вопросу о зоне, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке (ЗСОМУ БВ) в 2012 г., решение о проведении которой принято в 2010 г. на Обзорной конференции ДНЯО. Без участия Ирана (равно как и Израиля) такая конференция будет лишена смысла.

В среднесрочной перспективе Иран, со своим опытом ядерной деятельности, и после улучшения отношений с арабскими соседями по региону, мог бы стать региональным центром по развитию атомной энергетики в мирных целях, где к процессу обогащения урана были бы – под гарантиями МАГАТЭ – подключены те арабские государства, кто в ближайшие два десятилетия планирует развивать собственную атомную энергетику. Это поспособствует решению многих региональных проблем.

Авторы – сотрудники ПИР-Центра.

Международный клуб Триалог: [trialogue@pircenter.org](mailto:trialogue@pircenter.org)

Centre russe d'études politiques, Geneve: [crep@pircenter.org](mailto:crep@pircenter.org)

(с) Москва – Женева, февраль 2011.

**Confidential**